

- Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.
- Русско-карельский словарь (Севернокарельские диалекты). Составители Зайков П. М. и др. Петрозаводск, 2015.
- Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977.
- Рягоев В. Д. Образцы карельской речи. Л., 1980.
- Рягоев В. Д. Карельский язык. // Языки мира. Уральские языки. М., 1993.
- Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.
- Федотова В. П. Дескриптивные глаголы в карельском языке. Словарь. Петрозаводск, 2002.
- Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009.
- Genetz A. Kertomus Suojärven pitäjästä ja matkustuksistani siellä v. 1867. Suomi II:8. Helsinki, 1870.
- Genetz A. Tutkimus Venäjän karjalan kielestä. Helsinki. 1880.
- Genetz A. Vepsän pohjoiset etujoukot. Helsinki. 1872.
- Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki. 1885.
- Itkonen E. Arvid Genetz kielentutkijana. Elämänvaiheet ja elämäntyö. Toim. Leo Harmaja. Helsinki. 1949.
- Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty. Virittäjä, 2. Helsinki, 1971.
- Karjalan kielen näytteitä, I–III. Toimittanut E. Leskinen. Helsinki, 1932, 1934, 1936.
- Karjalan kielen sanakirja I–VI. Helsinki, 1968–2005.
- Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. LSFU. Helsinki, 1944.
- Leskinen E. Tulemajärven murteen vokalizmi // Suomi 15. Helsinki, 1933.
- Leskinen H. Luoteis-Laatokan murteiden äännehistoria. I. Konsonantit. SUST, 275, Helsinki, 1963.
- Liljeblad T. Tunkuan murteen konsonantismi // Suomi V:13. Helsinki, 1931.
- Näytteitä karjalan kielestä. I. Joensuu-Petroskoi, 1994.
- Ojansuu H. Karjala-Aunuksen äännehistoria. SUST 162, Helsinki, 1918.
- Palmeos P. Karjala Valdai murrak. Tallinn, 1962.
- Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. SKS. Helsinki, 1947.
- Turunen I – Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I Konsonantit, SUST 89, Helsinki, 1946.
- Turunen II – Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. II Vokaalit, SUST 50, Helsinki, 1950.
- Virtaranta – Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä I–VI. SUST 129–132, 218. Helsinki. 1963–1964, 1976, 1994.
- Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo. 1958.
- Virtaranta Helmi & Pertti. Kauas läksit karjalainen. Espoo: Weilin Göös. 1986.
- Virtaranta H. ja P. Karjalan kieltä ja kansankulttuuria. SUST, 205 Helsinki. 1990.

Ирма Ивановна Муллонен

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ВИЛЬЕ НИССИЛЯ И ТОПОНИМИЧЕСКАЯ НАУКА В КАРЕЛИИ*

Научное исследование ономастики в Карелии началось в 1970-х годах, при этом началось не на пустом месте. Добротной основой послужили те публикации, которые принадлежат перу финляндских ученых, начиная с А. Шегрена, Д. Европеуса, позднее Е. А. Тункело, Яло Калимы. Однако наиболее значителен вклад Вилье Ниссиля, которого по праву можно считать основателем научного исследования финской топонимии. Он стоял и у истоков карельской ономастики. В 1940–1970-е годы им подготовлено одно монографическое исследо-

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 0225-2014-0017 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства».

вание, а также целый цикл статей, посвященных топонимии и антропонимии южной Карелии. Кроме того, карельский материал представлен – в качестве сопоставительного – и во многочисленных исследованиях Ниссиля по финской ономастике, и прежде всего в известной обобщающей монографии «Suomalaista nimistöntutkimusta» [Nissilä 1962]. Отдельно стоит отметить и его изыскания, посвященные поискам истоков этнонима *karjala* [Nissilä 1962a], а также большой блок публикаций по топонимии Карельского перешейка и северо-западного Приладожья – территории формирования древней корелы, обобщены позднее в монографию «Топонимия финляндской Карелии» [Nissilä 1975].

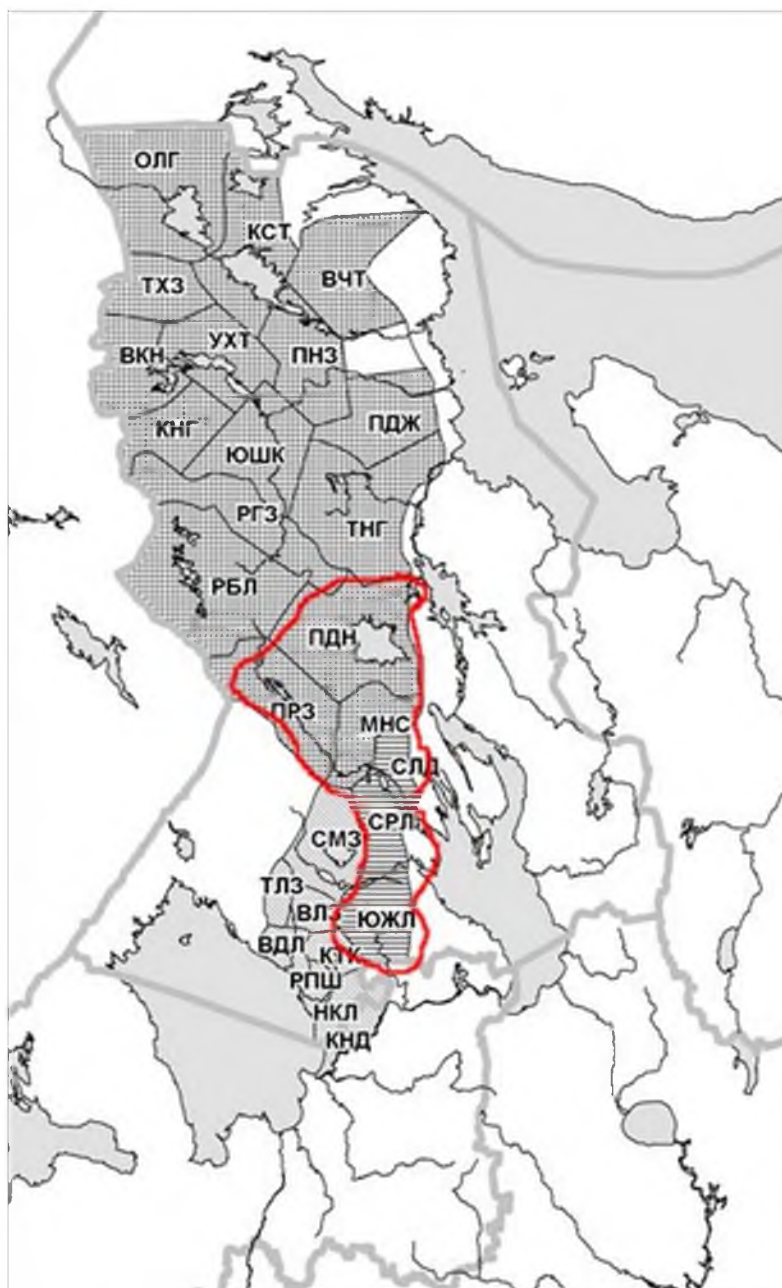

Рис. 1. Примерная территория топонимических экспедиций В. Ниссиля летом 1943 года

Собственно, исследовательская работа В. Ниссиля и началась в 1930-х годах с изучения топонимии Карельского перешейка и уже в 1939 г. увенчалась защитой докторской диссертации, анализирующей топонимию бассейна реки Вуоксы [Nissilä 1939]. Видимо, данное обстоятельство и предопределило то, что в 1943 г. В. Ниссиля был направлен военным командованием Финляндии в Карелию для сбора географических названий в оккупированных районах. Ставилась задача сбора топонимов для составления карт, однако, будучи специалистом-ономастом, В. Ниссиля добился разрешения вести фронтальный сбор назва-

ний, включая всю их совокупность – от макро- до микротопонимов. В течение 2,5 месяцев летом 1943 г. он вел интенсивный сбор топонимии в ареале расселения карелов-людиков, начав с Кондопожского района, откуда переместился севернее, на территорию тогдашнего Медвежьегорского района, основная часть населения которого была в эвакуации, и только в трех карельских деревнях (Плакуваара, Кумсозеро и Мяндусельга) оставались местные жители. Сбор был продолжен далее на пограничной лудиковско-собственнокарельской территории в деревнях Петровского района Юостозере, Поросозере, Янгозере, Святнаволоке, в которых было незначительное население, по разным причинам не уехавшее в эвакуацию. Продвинувшись на север, в течение недели Ниссиля работал среди сегозерских карел. Заехав на несколько дней в Петрозаводск, он затем продолжил обследование лудиковской территории на ее западных рубежах, в течение месяца объехав и обойдя мунозерских, пряжинских, святозерских и михайловских лудиков. В завершение было предпринято знакомство с топонимией лудиковских поселений, расположенных в окрестностях Петрозаводска – Видан, Заозерья, Логморучья, Ялгубы (Рис. 1). Картотека собранного за этот период материала составила 7000 топонимов (12500 фиксаций) [Virtaranta 1973]. Планировалось, что в следующем году работы будут продолжены на территории проживания прионежских вепсов, однако этому не суждено было сбыться: в 1944 г. был подписан российско-финляндский мирный договор, и оккупированная Карелия освобождена. Вепсский материал собран главным образом от прионежских вепсов, оказавшихся в лагере военнопленных в Пиексамяки (Финляндия), а также воевавших на стороне Финляндии в специальном батальоне, состоявшем из представителей финно-угорских народов. Это немногим более 2000 топонимов. Ценность собранного материала, особенно лудиковского, очевидна: он дает представление о системе топонимов, бытовавшей в довоенное время, сохраняет для истории и науки ряд названий, которые уже не удалось зафиксировать карельским исследователям позднее, позволяет в определенной степени проследить процесс развития топонимической системы и происходящие в ней изменения. Следует, правда, признать, что материал этот не столь обширен, как можно было бы ожидать¹. Очевидно, сказались условия военного времени, в первую очередь, малочисленность населения на оккупированной территории.

Именно этот материал и послужил основой для научных изысканий, в которых воплотилась одна из основных особенностей методики В. Ниссиля и в целом финляндской топонимической школы: исследование должно опираться на солидную источниковую базу, за ним должны стоять убедительные полевые данные. К сожалению, этому принципу далеко не всегда следует российская ономастика, где не так много надежных солидных картотек, и это значительно ограничивает возможности исследования. Карелии в этом отношении повезло: опираясь на опыт Вилье Ниссиля, карельские ономасты с самого начала в качестве одной из первостепенных задач ставили перед собой сбор топонимии и создание научной картотеки. В результате сейчас Научная картотека топонимов Карелии насчитывает более 100 000 топонимов. Сбор продолжается в ежегодных полевых экспедициях.

Материалы В. Ниссиля хранятся в Хельсинки в Топонимическом архиве (Nimiarkisto) – одном из подразделений Центра родных языков Финляндии (Kotimaisten kielten keskus). В течение почти десяти лет он возглавлял этот архив, в котором помимо карельской картотеки находятся и другие коллекции собранных исследователем топонимов. Его по праву считают самым активным собирателем топонимии Финляндии, в общей сложности им собрано более 60 тыс. топонимов [Kepsu 1983]. В Топонимическом архиве находится и коллекция из нескольких десятков фотографий, снятых в военное время в Карелии, а также полевые дневники собирателя. Видимо, условия военного времени сказались на том, что записи довольно лаконичны и сдержанны. Тем не менее, в них немало интересных наблюдений, пусть и брошенных вскользь, о жизни карельской деревни, об элементах традиционной культуры, о людях. Ниже представлен в качестве примера фрагмент записи от 1 июля 1943 г.: « ... со старо-

¹ Для сравнения: список топонимов собственно лудиковской территории, собранный в ходе полевых экспедиций и хранящийся в картотеке ИЯЛИ КарНЦ РАН, включает более 7 тыс. названий – приблизительно столько, сколько удалось выявить В. Ниссилю на всей обследованной им территории.

стой Антоном Боккоевым отправляемся в деревню Лижмозеро, до которой путь недалекий: 3 км по суше и 1 км по воде. Идем мимо каменных ровниц, старой кузницы и вскоре поворачиваем на лижмозерскую дорогу, которая петляет между перелескам, небольшими покосами и болотами, выводя на берег в Науманранта [дер. Наумовы – *И. М.*], где прежде было два дома. Они перевезены в дер. Лижмозеро, осталась только красивая ель, которая помечает место переправы через пролив. К ели прислонен обломленный крест, такие устанавливались в Карелии у переправ. На кресте еще можно различить дату – что-то около 1770-х годов».

Первая работа В. Ниссиля по проблемам топонимии российской Карелии вышла в начале 1943 г., летом которого, напомним, он оказался у людиковских карел. Статья, посвященная отражению православного именослова в топонимии Карелии, не могла, таким образом, быть результатом экспедиции. И действительно, автор указывает, что материалом послужил, прежде всего, «Список населенных мест Карельской АССР по сведениям 1926 г.», в котором, наряду с официальными русскими, приводятся карельские и вепские названия поселений [Nissilä 1943]. По всей видимости, автор был не вполне удовлетворен своей статьей, поскольку возвращается к теме через несколько лет в публикации 1947 г. [Nissilä 1947]. Основных причин две: к этому времени в его распоряжении уже имелся полевой материал, который, во-первых, значительно превышал данные письменных источников, во-вторых, выявил ряд ошибок, неточностей, описок в передаче карельских и вепских ойконимов в «Списке населенных мест», бывшем главным источником первой статьи. Блок из этих двух публикаций является и сегодня важнейшим источником сведений о карельском и вепском православном именослове. Попадая из русского языка, причем, через севернорусские диалекты, в прибалтийско-финскую среду, личные имена подвергались значительному изменению. В них далеко не всегда открыто просматривается тот русский оригинал, который лежит в их основе. Вилье Ниссилье удалось собрать воедино сотни имен и их вариантов и применить эти сведения к этимологии топонимов Карелии, среди которых, прежде всего, наименования населенных мест – как тот класс топонимов, который по определению восходит к антропонимическим основам. В таком обширном материале есть, естественно, некоторые неточности. К примеру, автор склонен связывать основу *Juš-*, выступающую в ряде наименований вепских поселений (среди них южновепская деревня *Jušk* с русским соответствием *Юшково*, средневепская деревенька *Jušimägi* в кусте поселений Ладва, а также деревня *Jušag'* в Шимозере), с вепской реминисценцией русского имени Осип [Nissilä 1947: 21]. Между тем, речь идет о вепском *Juš*, *Juša*, *Jušoi*, восходящем к севернорусскому производному *Юша* от календарного имени Иван. Не вполне корректно искать русские антропонимные истоки для северновепской фамилии *Bošakohne* (рус. *Бошаков*) [Nissilä 1943: 51], логичнее исходить из собственного вепского нехристианского антропонима **Bošak*, в основе которого соответствующий апеллятив *bošak* 'баран'. Однако отдельные неточности не понижают значения работ. В них впервые предложены этимологии многих наименований населенных мест Карелии, ставшие уже классическими: карельское название села Пряжа *Teru* связано с карельским христианским именем *Tero*, *Teroi*, восходящим, в свою очередь, к русскому Терентий, соответственно название села *Dessoilu* (в русском звучании Эссоила) к карельскому *Jessu* ~ *Dessu* из русского Ефим [Nissilä 1943: 74, 59]. В. Ниссиля обращает внимание и на некоторые ойконимы русской Карелии, которые, по его мнению, имеют в основе карельский антропоним и, следовательно, свидетельствуют о карельском прошлом современных русских поселений. Эту принципиально важную для Карелии – зоны традиционных прибалтийско-финско-русских контактов территории – мысль подтвердим только одним примером – названием деревни *Патрово*, входящей в состав заонежского русского села Фоймогуба. Ниссиля предположил, что в основе топонима карельский вариант русского календарного мужского имени Патрикий [Nissilä 1943: 69], и был совершенно прав. Дело в том, что в Писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. по Шунгскому погосту среди жителей Фоймогубы упоминаются два новых жителя – Манулко да Иванко Патракеевы, чье родовое имя в карельском виде *Patro* и породило ойконим *Патрово*. Примечательно, что эта же писцовая книга отмечает в Фоймогубе еще несколько новых поселенцев с карельскими родовы-

ми именами, каждое из которых обнаруживается среди названий фоймогубских деревень: Кипр Иванов Кярзин – деревня *Кярзина*, Ушак Пекуев – деревня *Пековка*, Якимко Яковлев Лопакон – деревня *Лопакон*. Заманчиво предполагать, что в этом ономастическом факте отразился приток нового карельского населения в район заонежской Фоймогубы в XVI веке.

Следует отметить, что Вилье Ниссиля неоднократно подчеркивал роль личных имен в рождении географических названий. Известный славист Яло Калима, выступавший оппонентом на защите докторской диссертации Ниссиля, считал даже, что диссертант слишком увлекается антропонимической составляющей топонимии [Virtaranta 1973: 16]. Однако как топонимист Ниссиля был прав: становление прибалтийско-финской топонимии происходило в процессе земледельческого освоения, которое прямым образом увязано с человеком – субъектом владения и использования земли. Поэтому отантропонимные географические названия составляют весьма значительный слой топонимов: в финской топонимии около 10% [Kiviniemi 1990], в карельской примерно 15% [Kuzmin 2014: 56], а в вепсской даже до 18%. Не случайно поэтому уже на закате своей научной деятельности Вилье Ниссиля вновь обращается к проблеме отражения в карельской топонимии именований людей [Nissilä 1973]. На этот раз объектом анализа становятся наименования ливвиковских, или олонекских поселений. Работа основана на большом полевом материале, в котором помимо ойконимов представлены многочисленные микротопонимы – названия сельхозугодий, водных и орографических объектов. Материал, во-первых, убеждает еще раз в важности православного ономастического для образования топонимов, во-вторых, отражает удивительное разнообразие карельских народных вариантов православных имен. Мужское имя Михаил зафиксировано в материалах В. Ниссиля почти в 30 вариантах (*Mihki, Miikhkali, Miikoi, Mikka, Mikušša, Mišukka* и др.), Василий почти в десяти. Многие из отмеченных в этом материале вариантов имен уже вышли из активного употребления, так что Ниссиля на самом деле сохранил для науки и культуры один из элементов традиционной карельской культуры. В этой же статье автор делает интересное наблюдение об истоках наименований поселений, в которых карельский антропоним оформлен суффиксом *-la* и его фонетическими вариантами *-l*, *-lu* (типа *Meloilu, Isakkal, Ahpoilu* и др.). Этот тип названий представлен преимущественно в долинах рек, где почва отличается плодородием, так что в действительности он может рассматриваться как некий маркер земледельческого освоения, для которого как раз характерны отантропонимные основы в топонимах. При этом генезис ойконимов *-l*-ового типа показывает, что поселения выросли из одиночных домов [Nissilä 1973: 271], так что название деревни *Meloilu* первоначально значило ‘место, где живет семья Мелоя, т.е. Мелентия’, а *Ahpoilu* соответственно ‘место жительства Ахпо, или Агапия’.

Понятно, что топонимия состоит не только из антропонимных основ. Прекрасным подтверждением служит одна из лучших «карельских» статей В. Ниссиля, появившаяся в середине 1950-х годов и посвященная т.н. «дорожной» топонимии, т.е. географическим названиям, маркирующим пути передвижения – от больших транзитных водно-волоковых путей, определявших с древних времен основные маршруты освоения территории Карелии, до местных дорог [Nissilä 1955]. Сила этой статьи в том, что в ней топонимический материал помещен в этнографический и исторический контекст. Автор выявляет целый ряд топонимических моделей, которые являются своеобразными дорожными метками: это топонимы с карельской основой *taibaleh, taival* ‘перешеек между двумя озерами; переход по лесной местности из одной деревни в другую’, *matka* ‘путь, расстояние’, которая в качестве топонимной основы помечает, как правило, начало сухопутного участка на водно-волоковом пути; это, далее, основы *ehätys* и *huhuus*, которые привязаны к местам перевозов на озерах. Здесь путник разводил дымный костер или кричал, вызывая лодку из деревни на противоположном берегу. «Дорожными» метками в топонимии являются основы, восходящие к наименованиям разного типа лодок и судов, далее, основы, маркирующие места отдыха, помечающие пологину пути, называющие разного рода мостки через болотистые низины, метки вдоль зимников и т. д. При этом автор всякий раз выявляет этнографическую основу их появления. Статья базируется в значительной степени на материалах, собранных автором в поле. В ней

встречаются некоторые характерные детали, связанные с его собственными передвижениями по Прионежью. Он упоминает, к примеру, о том самом придорожном кресте XVIII века, который описан выше во фрагменте из дневника. Исключительно интересны и несколько фотографий, сделанных автором в 1943 г. в людиковских деревнях, в них предстают деревня Лижмозеро, исчезнувшая уже с карты Карелия Прякка, а также местность Kunatmatka в окрестностях людиковского Кончезера.

Автор активно оперирует данными исторических источников, например, материалами средневековых писцовых книг, и литературы, среди которой работы В. Майнова, В. Мегорского, С. Гадзянского и др. на русском языке. В. Ниссиля относился к тому поколению финских исследователей, для которого знание русского языка и использование русских источников было естественным.

Поскольку основу полевых материалов Ниссиля по карельской топонимии составляют сборы, осуществленные в ареале проживания карелов-людиков, к людиковской топонимии автор обращается в своем научном творчестве неоднократно. Показательный пример – небольшое исследование о топонимии людиковского села Kuwjärvi – Михайловское [Nissilä 1947]. В нем автор ставит цель доказать на материале топонимии вепсское прошлое этого расположенного на северном берегу Свири карельского-людиковского поселения, которое оказалось отрезанным от основной вепсской территории русским освоением, продвигавшимся в начале второго тысячелетия н.э. из Новгорода вдоль Свири на север, и попало под мощное карельское влияние. Он обнаруживает в области фонетики и морфологии ряд признаков, объединяющих людиковский диалект с вепским языком. Они есть, по мнению автора, и в словообразовании, во всяком случае, и в вепсской, и в людиковской топонимии получили распространение наименования поселений с коллективными суффиксами *-veh* и *-žim*. Кроме того, в топонимии Михайловского куста поселений используются некоторые характерные вепские топоосновы (например, люд. *kuiar* из вепс. *kar* ‘небольшой залив’) и в то же время отсутствуют некоторые сугубо карельские термины. Может, на современного исследователя наблюдения Ниссиля в области вепско-карельского контактирования и не произведут особого впечатления, однако надо помнить, что полстолетия назад этногенез карелов-людиков был далеко не столь очевиден. Наблюдения Ниссиля, безусловно, внесли свой вклад в формирование современного взгляда на людиковскую проблематику. Он попытался выявить некие критерии для вепско-карельской топонимической дистрибуции, а эта проблема остается актуальной и сейчас.

На полевых материалах, собранных во время войны, основано и обширное исследование автора «Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes» [Nissilä 1967], в котором предложена этимологическая интерпретация сотен ойконимов – названий населенных мест – территории проживания карелов-людиков. Среди них наименования таких широко известных объектов, как порог *Кивач* (карел. *Kivačču*) на реке Суне, для которого у Ниссиля два возможных карельских этимона: или прилагательное *kiivačču* ‘бурный, быстрый’, или производное от существительное *kivi* ‘камень’. У обеих этимологий есть право на существование, хотя первая кажется более предпочтительной: «каменистость» не является отличительной особенностью *Кивача* на фоне других порогов Суны – *Гирваса* и *Порпорога*, да и гласный *a* во втором слоге при второй интерпретации представляет некоторую проблему. Первая же этимология находит и семантическую, и этимологическую, и фонетическую поддержку со стороны названия другого известного карельского порога – *Кивакка* (карел. *Kivakka*, *Kivakkakoski*, ср. карел. *kivakka* ‘бурный, стремительный’) на реке Оуланка, протекающей на севере республики. Кстати, в словарной статье, посвященной Кивачу, в ряду других карельских и вепских топонимов Ниссиля упоминает и порог *Kivakkakoski*.

Привлекает интерпретация названия города *Кондопога* (карел. *Kompohd* < **Kondpohd*), возникшего в предвоенные годы на месте старинной карельской деревни. В названии Ниссиля устанавливает два элемента: *kond* ‘крестьянский дом с окружающими его землями’ (в условиях севера это, как правило, однодворная деревня) и *pohd* ‘дно, конец

(напр., залива)'. *Кондопога* – это, таким образом, 'конец залива, на берегу которого стоит одnodворная деревня'.

Ниссиля обнаруживает на людиковской территории и несколько топонимов с саамскими истоками, среди них название пригородной петрозаводской деревни *Сулажгора* (карел. *Suolužmägi*), которое восходит к наименованию той самой большой горы, на которой стоит поселение. В нем закрепился саамский географический термин *suolo*, *suoluž* 'остров'.

Целый ряд этимологий топонимов людиковской территории воспроизведен позднее карельскими исследователями Н. Н. Мамонтовой и Г. М. Кертом в хорошо известном в Карелии научно-популярном издании «Загадки карельской топонимики» (1982): *Видана*, *Гирвас*, *Кивач*, *Кондопога*, *Кончезеро* (карел. *Kendärvi*), *Онежское озеро*, *Пряжа*, *Сулажгора*, *Суна*, *Шуя*. Понятно, что по мере того, как накапливается новый материал, расширяется понимание механизмов рождения и функционирования топонимов, часть старых расшифровок не может уже в полной мере удовлетворять и уступает место новым. Ниссиля расшифровывал в свое время название людиковской деревни *Янишполе*, расположенной при впадении реки Суны в Онежское озеро и уже в значительной степени обрусевшей к 1940-м годам, как полукальку, в основе которой карел. **Dänižpeld* 'Заячье поле', при *peld* 'поле' [Nissilä 1967: 27–28, Керт, Мамонтова 1982: 26, 33]. На самом же деле карельский оригинал выглядел, скорее, как **Dänižpuoli*, в котором второй элемент *-puoli*, перешедший в русском употреблении в *-поле*, значит 'сторона, край', а в первом отразилось карельское название Онежского озера. Из 'Заячьего поля' получилась 'Онежская сторона', т. е. та сторона обширного гнезда поселений Суна, которая прилегает к Онежскому озеру. Нашу интерпретацию поддерживает целый ряд топонимов со вторым элементом *-поле/-поль* на территории Прионезья, из которых наиболее показательны для данного случая наименования двух деревень, входящих в состав заонежского куста поселений Вегорукса: *Янишполе* или *Вянишполе* и *Рамполе*, из которых первая тяготеет к побережью Онежского озера (и расшифровывается соответственно как 'Онежская сторона'), а вторая к берегу Вегорукского залива (соответственно из карельского 'Береговая сторона').

В свою очередь, известное людиковское село *Kuwjärv* (рус. *Мухайловское*) получило свое название по наименованию озера, в котором, как считает автор, на стыке морфем произошло упрощение, затушевавшее первоначальный облик **Kuivjärv* 'сухое озеро'. В качестве доказательства он приводит примеры подобного фонетического развития в других топонимах, в частности, вепсских. Однако, очевидно, мимо его внимания прошло то обстоятельство, что озеро называется в материалах писцового дела XVI в. *Гук-озером* или *Гулк-озерком* [ПКОП: 87–88], что позволяет возводить топоним к широко известной саамской топооснове, в истоках которой саам. **kukkē*, *guk'ke*, *kukke*, *ku'kk* 'длинный'. Она многократно представлена в нашем регионе в наименованиях длинных, т. е. вытянутых по форме озер, к каковым относится и оз. *Kuwjärv* (Рис. 2). Показательно, что в местной карельской традиции озеро иногда называют *Pit'kjärv* (*pit'k* 'длинный, долгий'), а на современных картах по-русски оно называется *Долгим*. Не вполне понятно, насколько длительна эта традиция и возникло ли русское название самостоятельно, сообразно форме озера, или с опорой на древнее саамское название. На картах Генерального межевания 1780–1790-х годов озеро названо *Долгим* (<http://maps.karelia.ru/mez>).

Рис. 2

В поле зрения В. Ниссиля попало и название старого людиковского села Ялгуба, уже практически обрусевшего к 1940-м годам. Оно опирается на название залива Онежского озера, для которого Ниссиля предлагает реконструкцию *Jal-lahti* < **Jalglahhti*, при люд. *jalg* 'нога' [Nissilä 1967]. Узкий длинный залив действительно напоминает по форме ногу, а с учетом того, что всевозможные соматические топоосновы обычны и в географической лексике, и в топонимии, предложенная интерпретация кажется

вполне обоснованной. Однако в действительности топоним *Ялгуба* < *Jallahiti* следует рассматривать в связке с названием соседнего залива *Пиньгуба* (Рис. 3), карельский оригинал которого, к сожалению, зафиксировать уже не удалось. В. Ниссиля приводит топоним без этимологии, видимо, не сумев расшифровать его истоки. Между тем, с учетом известного в Заонежье правила преобразования карельского дифтонга *ie* в русский звук *и*, в *Пиньгуба* восстанавливается карел. *pien(i)* ‘маленький’, т. е. *Пиньгуба* – ‘маленькая губа’. Соответственно соседняя *Ялгуба* – ‘большая губа’: топоним возник на основе старого прибалтийско-финского прилагательного *jalo* ‘большой’, утратившего в большинстве языков примарную семантику [SSA]. В топонимии Обонежья обнаружен целый ряд топонимов с основой *jalo*, и *Ялгуба* хорошо вписывается в него [Муллонен 2013].

Поправляя В. Ниссиля в деталях, надо, тем не менее, признать неизменность общих положений об устойчивости топонимов, что позволило автору доказать людиковское прошлое поселений, уже обрусевших к середине XX столетия, о близости людиковской и вепсской топонимии, об общих принципах номинации поселений, а также об основных этапах этноисторического развития людиковской территории, на которой сохранились древние топонимы, объединяющие этот край с Поволжьем (среди них речные наименования *Шуя*, *Шокша*, *Суна*¹ и некоторые другие), а карельскому освоению предшествует саамско-вепсское заселение края.

Как один из основоположников ономастической науки Вилье Ниссиля занимался разработкой теоретических вопросов в области исследования собственных имен. Показательна в этом плане одна из его ранних статей, в которой на материале карельской микротопонимии ставится проблема

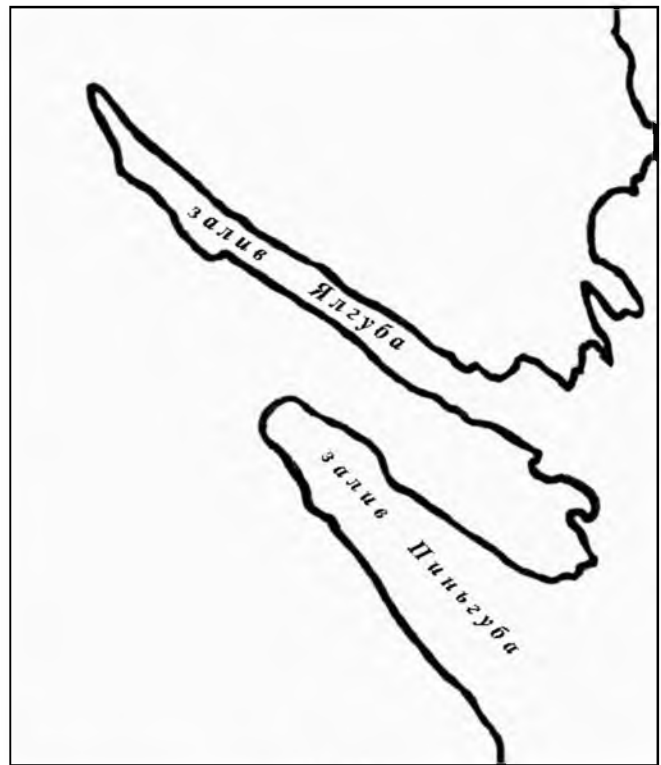

Рис. 3

рождения географического названия [Nissilä 1944]. Пожалуй, современный исследователь посчитает, что В. Ниссиля слишком прямолинейно решал вопрос происхождения топонимов, реконструируя всякий раз в их основе апеллятив: «каждый топоним имел первоначально апеллятивное значение» – и описывал реальные свойства называемого объекта [Nissilä 1944: 399]. Современная ономастика исходит из того, что первостепенное значение в ходе номинации имеют сложившиеся в топонимической системе той или иной территории модели названия – как структурные, так и семантические, которые служат своеобразной системой координат при рождении нового топонима. Последний подстраивается под нее, и поэтому совсем необязательно реконструировать в основе топонима апеллятивные истоки [Kiviniemi 1975], как это делает В. Ниссиля.

Тем не менее, нельзя отвергать, закономерность, которая, видимо, существует параллельно с моделями и которая убедительно подтверждена в работах В. Ниссиля десятками примеров микротопонимов Карелии: многие названия мест образованы путем абстрагирования т.н. «примитивных» топонимов – описательных предложных и падежных сочетаний типа *huaban al abai* ‘под осиной тоня’ или *lambizem piäl nurmed* ‘над озером покосы’. Из них возникли «полноценные» топонимы: дер. *Видана*, карел. *Viidan(a)* из **viidan al*, буквально ‘под ельником’, дер. *Подужемье*, карел. *Užmana* из **Užman al* ‘под (порогом) Ужма’ [Nissilä 1944: 405].

¹ Для топонима *Суна* не исключена саамская интерпретация [Муллонен 2002: 260–268].

Диапазон интересов Вилье Ниссиля включал и вопросы практической ономастики. Из наиболее существенных разработок в этом направлении – подготовленный в 1970 г. в соавторстве с Матти Сармела и Айно Синисало список названий поселений некоторых местностей с «финским» населением, расположенных за пределами Финляндии [Nissilä 1970] – в Карелии, Ингерманландии, Швеции, Норвегии и др. В списке предлагаются, в частности, финские варианты для карельских и русских ойконимов Карелии. Основные принципы нормализации были предложены В. Ниссиля десятью годами ранее [Nissilä 1958]. И хотя речь идет о передаче топонимов Карелии на финский язык, общие принципы унификации оказались востребованы в Карелии в последние годы в связи с созданием вепсской и карельской письменности. Нормирование языка предполагает и некий канонический список географических названий Карелии на карельском и вепсском языках, который должен включать, по крайней мере, наименования населенных мест и наиболее известных физико-географических объектов. На пути решения данной задачи встают многие проблемы, связанные с существованием названий в устной практике в целом ряде вариантов, неразработанностью правил передачи русских топонимов на прибалтийско-финские языки Карелии и др. Опыт В. Ниссиля в данном случае неocenim. К примеру, в целом обоснованными, не вызывающими возражений и применимыми к практике становления карельской нормированной системы географических названий представляются предложенные Ниссиля правила передачи на финский язык топонимов русских районов Карелии – Заонежья, Пудожья, Беломорья. На этой территории немало названий, имеющих карельские и вепские истоки, в которых уместно высветить и восстановить первоначальный прибалтийско-финский оригинал: *Кузара́нда* – *Kuusiranta*, *Пертозеро* – *Perttijärvi*, *Кивручей* – *Kivoja*, дер. *Лобская Матка* – *Lapinmatka*. В том случае, когда в основе названия русский апеллятив, его позволительно перевести: село *Великая Губа* – *Suurlahti*, остров *Березовец* – *Koivusaari*, деревня *Наволо́к* – *Niemi* и др. Если же истоки названия затемнены, используется транслитерация: *Кажма* – *Kažma*, *Кижис* – *Kiiži*. Этот же принцип предлагается использовать при нормировании многочисленных отантропонимных наименований поселений, даже если они возникли когда-то на основе прибалтийско-финских антропонимов: дер. *Артова* – *Artova*, дер. *Микково* – *Mikkovo*.

В завершение обзора работ известного финского ономаста Вилье Ниссиля по топонимии Карелии следует еще раз подчеркнуть, что они сослужили добрую службу развитию ономастической науки в Карелии. Чаще всего именно со знакомства с исследованиями Ниссиля начинался путь в ономастику тех, кто сейчас работает в этом направлении в Карелии. На его работах мы учились понимать, что такое настоящее топонимическое исследование: оно должно основываться на добротном полевом материале; в нем следует использовать сопоставительные данные из родственных топонимных систем; необходимо опираться на методику сравнительно-исторического языкознания; в нем должны быть тщательно проработаны все детали, а результатом будет открытие, пусть даже небольшое. Спасибо за хорошую школу.

Литература и источники

Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Петрозаводск, 1982.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллонен И. И. Большие озера маленького народа: идентификация по размеру в вепсской топонимии // Вепские ареальные исследования: Сб. ст. / Науч. ред. Зайцева Н. Г., Мызников С. А. Петрозаводск, 2013. С. 130–144.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

Kepsu Saulo. Nimestäjän ja nimistöntutkijan matkaa: Viljo Nissilä täyttänyt 80 vuotta // Virittäjä. 1983. № 3. S. 305–317.

Kiviniemi E. Paikannimien rakennetyypeistä. Suomi 118:2. Forssa, 1975.

Kiviniemi E. Perustietoa paikannimisestä. SKST 516. Helsinki, 1990.

- Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki, 2014.
- Nissilä V. Vuoksen paikannimistö I. SUST 214. Helsinki, 1939.
- Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistössä // Virittäjä. 1943. № 1. S. 46–78.
- Nissilä V. Itä-Karjalan paikannimien appellatiivisista piirteistä // Virittäjä. 1944. № 4. S. 399–405.
- Nissilä V. Lisiä venäläisperäisiin henkilönnimiin Itä-Karjalan paikannimistössä // Suomi. Kirjoituksia isänmaallisista aiheista. Osa 104. Helsinki, 1947. S. 1–40.
- Nissilä V. Kuujärven paikannimistöä // Virittäjä. 1947. № 1. S. 13–19.
- Nissilä V. Itä-Karjalan matkanimistöä // Kalevalaseuran vuosikirja 35. Helsinki, 1955. S. 247–261.
- Nissilä V. Itä-Karjalan paikannimien kieliasun normaalistamisesta // Virittäjä. 1958. S. 193–203.
- Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. SKST 272. Helsinki, 1962.
- Nissilä V. Karjalan nimestä // Nimi ja asia. Juhlakirja Kustaa Viikun 60-vuotispäiväksi 26.10.1962. Helsinki, 1962a. S. 149–171.
- Die Dorfnamen des alten lüdischen Gediets. SUST 144. Helsinki, 1967.
- Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä // SUSA 72. Helsinki, 1973. S. 239–275.
- Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- Nissilä V., Sarmela M., Sinisalo A. Ethnologisches Ortschafts- und Dorfbregister des finnischen Sprachgebiets in Finnland, Karelien, Ingermanland, Norrbotten, Finnmark und auf der Halbinsel Kola. Studia Fennica 15. Helsinki, 1970.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki: SKS, 1992–2000 (SUST 556).
- Virtaranta P. Viljo Nissilälle 21.8.1973. Castrenianumin toimitteita 6. Helsinki, 1973.

Валентина Петровна Миронова

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

КАРЕЛЬСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА*

Эпическая традиция карелов с момента создания в республике Научно-исследовательского института всегда была одним из основных объектов изучения карельских фольклористов. На первоначальном этапе в течение нескольких десятилетий силами сотрудников и студентов велась активная фиксация карельских рун, позднее исследователи приступили к их постепенному рассмотрению. Первым академическим сборником, отражающим традицию рунопения, является книга В. Я. Евсеева «Карельские эпические песни» [Евсеев 1950]. Двухязычное собрание включает в себя 225 рун на различные сюжеты, зафиксированные во всех районах проживания карелов. Географический принцип классификации текстов дает возможность познакомиться с самостоятельными локальными традициями. Сборник снабжен обширным научным аппаратом: в примечаниях даются комментарии к сюжетам, указатель собственных имен и географических названий также выполняет пояснительную функцию. Кроме того, впервые приводятся подробные биографические данные сказителей. Настоящий сборник и на современном этапе не утратил своей актуальности.

Значительное место в теоретическом освоении карельских эпических песен принадлежит, несомненно, фольклористу В. Я. Евсееву. Фундаментальным трудом этого автора является двухтомник «Исторические основы карело-финского эпоса», первая книга вышла в 1957 году, вторая – в 1960 году. Исследованию предпослано обширное введение, посвященное рассмотрению ошибочных положений и концепций так называемой географо-исторической шко-

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР «Фольклорные традиции и рукописная книжность в общерусском и финно-угорском контекстах», № 0225-2014-0016.